

Василий Азаревич
**Юг Дальнего Востока России на рубеже XIX–XX вв.
в жандармских донесениях**

The South of the Russian Far East at the Turn
of the 19th–20th Centuries in Gendarme Reports

Азаревич Василий Кириллович

Государственный объединенный
музей-заповедник истории
Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева
Россия, Владивосток
v.k.azarevich@gmail.com
ORCID: 0009-0002-5651-5161

Azarevich Vasily K.

V. K. Arsenyev State Museum
and Heritage Site of the Far East History
Russia, Vladivostok
v.k.azarevich@gmail.com
ORCID: 0009-0002-5651-5161

Аннотация. Исследование основано на ранее не публиковавшихся документах, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации. Они представляют собой донесения жандармских офицеров, служивших во Владивостоке во второй половине 1890-х — первой половине 1910-х годов, в чьи задачи входил политический контроль за югом российского Дальнего Востока. При описании задач и целей жандармского надзора к югу от Амура авторы рассматриваемых документов также предоставили собственное видение того, чем являлся рассматриваемый регион: кто населял юг Приамурского генерал-губернаторства, в чем была разница между городским и сельским населением, какова была степень политической лояльности населения и что представляло угрозу для политической безопасности. Эти описания дают представление о том, какой офицеры политической полиции видели поднадзорную им территорию, а их диахронное сравнение позволяет увидеть, как изменялось это видение с конца 1890-х до начала 1910-х годов. Обращение к биографиям жандармов — авторов рассматриваемых документов, их служебной переписке позволяет увидеть, откуда они черпали сведения о Дальнем Востоке. Эти источники не только показывают, каким был образ региона у представителей политической полиции, но и как именно она функционировала в разные периоды и каково было качество ее работы.

Annotation. The study is based on previously unpublished documents stored in the State Archive of the Russian Federation. Both are reports from gendarmerie officers who served in Vladivostok during the late 1890s — early 1910s. Their duty was to monitor political activities in the southern part of the Russian Far East. When describing the goals of gendarmerie surveillance south of the Amur River, the authors of these reports also shared their own views on the region: who lived in the southern part of the Priamurye Governor-Generalship, the differences between urban and rural populations, the level of political loyalty among the people, and what threats to political security existed there. These descriptions show how the political police officers perceived the territory under their control. Comparing reports from different periods (late 1890s to early 1910s) reveals how their views changed over time. By examining the biographies of the gendarme authors and their official correspondence, we can understand where they got their information about the Far East. These sources not only reveal how the political police viewed the region but also how their operations worked in different periods and the effectiveness of their work.

Ключевые слова. Отдельный корпус жандармов, Владивосток, Дальний Восток России, Приморская область, Владивостокское охранное отделение, охранка, политический надзор, политическая полиция.

Для цитирования: Азаревич В. К. Юг Дальнего Востока России на рубеже XIX–XX вв. в жандармских донесениях // Культурная история. 2025. № 2. С. 149–174.
DOI: 10.33280/3034-3216.2025.80.57.005

Keywords. Separate Corps of Gendarmes, Vladivostok, Russian Far East, Primorskaya Oblast, Vladivostok Okhrana Department, Okhranka, political surveillance, political police.

For Citation: Azarevich V. K. The South of the Russian Far East at the Turn of the 19th–20th Centuries in Gendarme Reports, in: *Cultural History*. 2025. No. 2. P. 149–174.
DOI: 10.33280/3034-3216.2025.80.57.005

В 1858–1860 гг. Российская империя приросла новыми территориями на юге Дальнего Востока: в состав страны вошли левый берег Амура от слияния с Аргунью и полоса земли между рекой Уссури и Японским морем. Впоследствии этот регион получил собирательное название «Приамурский край», перенесенное затем на большую часть созданного в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства. Эта административно-территориальная единица простиралась от Байкала до Камчатки и от Чукотки до русско-корейской границы по реке Туманган. Состав генерал-губернаторства неоднократно менялся: в 1884 г. оно состояло из Амурской, Забайкальской, Приморской областей и Владивостокского военного губернаторства, а в 1914-м — из Амурской, Камчатской, Приморской и Сахалинской областей.

Изменения внутренних административных границ генерал-губернаторства были predeterminedены тем, что оно было слишком большим, чтобы говорить о нем как о единой в географическом, климатическом, культурном и экономическом отношении территории. Осознание этой разницы между частями генерал-губернаторства провоцировало дискуссии о его делении на условные регионы, границы которых определялись не положением на карте областей и уездов, а географией. Одним из них стал Уссурийский край.

Михаил Пржевальский писал, что он «составляет лучшую и наиболее интересную часть наших амурских владений»¹. Границами его он считал бассейн правых притоков пограничной русско-китайской реки Уссури и «в обширном смысле» весь юг Приморской области от границы с Кореей до устья Уссури

1 Пржевальский М. Н. Путешествие в Уссурийском крае. СПб., 1870. С. 1.

и от нее же и южного участка русско-китайской границы до побережья Японского моря². Он выделялся в особый край по удачному сочетанию географических факторов, отличаясь ото всех территорий русского Дальнего Востока наиболее мягким климатом, и по своему административно-политическому весу. Важнейшим населенным пунктом региона был Владивосток (ставший в 1880 г. административным центром Приморской области), крупнейший российский порт в регионе, через который шли не только трансграничные коммуникации, но и большая часть грузооборота с Россией. Например, $\frac{3}{4}$ потребляемой в Приамурье в 1860-е гг. муки поставлялись из Кронштадта через Владивосток³.

На рубеже XIX–XX вв. началась активная переселенческая колонизация Сибири и Дальнего Востока. В обсуждении ее смысла и целей принимали участие различные авторы и акторы: военные и священнослужители, ученые и общественные деятели, журналисты и чиновники⁴. Они выступали в роли агентов имперской политики на окраинах и сообщали в столицу о реальном положении дел. Естественно, это обращает внимание на частные казусы, связанные с надзорной функцией жандармских офицеров. Их изучение позволяет перейти на микроисторический уровень, дающий возможность наиболее полного описания рассматриваемого явления⁵. Важную роль здесь играет изучение документальных свидетельств, содержащих в себе нечто настолько обычное, что оно, как правило, незаметно и потому исключительно важно для людей, далеко отстоящих по времени от упоминаемых событий⁶.

Все вышеуказанное адресует нас к документам за однозначно устанавливаемым авторством тех органов власти, которые осуществляли постоянный политический надзор. Еще со времен Николая I рутинный административный надзор за территориями вели офицеры Отдельного корпуса жандармов. Их доклады об общественно-политической ситуации в поднадзорном регио-

2 Пржевальский М. Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 15.

3 Алябьев Н. Далекая Россия. Уссурийский край. СПб., 1872. С. 10.

4 Ремнев А. В., Суворова А. Н. «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные культуртрегеры» // Изобретение империи: языки и практики. М., 2011. С. 153.

5 Гренди Э. Еще раз о микроистории // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 1997. Вып. 1. С. 292–293.

6 Там же. С. 296.

не сообщались в Санкт-Петербург и использовались высшей имперской администрацией для определения политики управления страной⁷.

Вышеперечисленным условиям в наибольшей степени удовлетворяют два документа от служивших во Владивостоке офицеров ОКЖ. Первый из них — проект создания жандармского надзора в Уссурийском крае, написанный в 1899 г. ротмистром Иваном Пахаловичем. Второй — доклад ротмистра Константина Нагородского о ходе предвыборной кампании в IV Государственную думу. В обоих документах речь идет о формально разных регионах. Если Уссурийский край — это устоявшееся с 1860-х гг. географическое понятие, то Приморская область — административное. К 1912 г. она включала полосу Тихоокеанского побережья России от границы с Кореей на юге до хребта Джугджур на севере. Западной границей служила река Усури и условная линия, проведенная на север от места ее впадения в Амур. Таким образом, в составе области оказались территории, не входившие в состав географического Уссурийского края — Хабаровский и Удский (с административным центром в Николаевске-на-Амуре) уезды.

Однако если обратиться к результатам жандармских ревизий, описывающих состояние политического сыска в Приамурском генерал-губернаторстве, можно заметить, что в реальности даже накануне Первой мировой войны владивостокская охранка могла вести розыск собственными силами и собирать информацию о настроениях населения лишь во Владивостоке, Никольске-Уссурийском (Никольское до 1898 г.), Хабаровске и вдоль полосы отвода Уссурийской железной дороги. В Никольске-Уссурийском, Иманском и Ольгинском уездах политический надзор велся через чинов общей полиции⁸. Можно сказать, что в обоих рассматриваемых документах описывается один и тот же регион (за исключением Хабаровска в докладе Нагородского). Потому целесообразно говорить, что в них содержатся описания юга Дальнего Востока России (или Приамурского генерал-губернаторства).

Оба документа посвящены конкретным служебным вопросам и вместе с тем содержат подробное описание Уссурийского

7 Бикташева А. Н. Жандармы и модернизация местного управления в России (опыт и перспективы изучения) // *Quaestio Rossica*. 2015. № 2. С. 137–138.

8 Доклад по штабу Отдельного корпуса жандармов «Жандармский надзор в пределах Приамурского генерал-губернаторства» от 26 мая 1914 г. // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 3607. Л. 37.

края — его населения, степени культурного, социального и экономического развития. Столь детальные рассказы о рассматриваемом регионе не встречаются в бумагах других служивших в Приамурье жандармов, поэтому именно два указанных документа представляются наиболее подходящими источниками, показывающими, как местные чиновники участвовали в создании определенного образа «своей» территории.

Необходимо отметить, что описание территории в жандармских документах никогда не является самоцелью. Оно должно было показать вышестоящему Санкт-Петербургскому начальству, насколько хорошо жандармский офицер разобрался в «своем» регионе, и подтвердить его квалификацию. Это заставляет обратить внимание на личности авторов документов, а в особенности на их мировоззрение, в рамках которого они вели свою деятельность. Кроме того, образ края или области должен был восприниматься как объективный, полученный на основе конкретных данных, потому особый интерес представляет вопрос об источниках сведений, на основе которых составлялись рассматриваемые документы. Наконец, дистанция в 13 лет между двумя документами позволяет сравнить их, чтобы увидеть разницу в образах региона.

В ноябре 1899 г. жандармский ротмистр Иван Иванович Пахалович представил докладную записку на имя директора Департамента полиции Сергея Эрастовича Зволянского. Записка целиком была посвящена необходимости создания в Уссурийском крае полноценного жандармского управления. В то время самым восточным губернским жандармским управлением в России было Иркутское. К востоку от Байкала же было лишь два жандармских органа: Жандармское полицейское управление Уссурийский железной дороги и Владивостокская крепостная жандармская команда. Это не могло обеспечить безопасность региона, чему и был посвящен проект Пахаловича.

Первое же предложение его записки посвящено констатации того, что Уссурийский край настолько отличается от средне-европейских губерний России, что оценить его объективно сразу нельзя. Описание отличий Пахалович начинает с указания на уникальность природы региона, говоря о сочетании в ней тропических и таежных форм, о разнообразии флоры и фауны. После этого он переходит к рассказу о населении, говоря, что «высшее (кроме чиновной аристократии) и среднее сословия страны составлялись из людей, которым почему-либо не повезло в Ев[ро-

пейской] России и которые пожелали испытать счастья на далекой окраине»⁹. Этим им объяснялся особый менталитет жителей Уссурийского края, к особенностям которого он относил, в первую очередь, отсутствие общерусского патриотизма, разрыв всяких связей с малой родиной и надежду, что «эта их новая родина, или, как они называют, — “русская Америка”, сохранила все симпатичные им свойства»¹⁰. Отдельной проблемой, по мнению Пахаловича, было то, что эти взгляды старожилов охотно перенимали новоприбывшие в регион переселенцы, офицеры и чиновники.

Он указал основные группы колонистов: оставшихся на поселение военных, крестьян-переселенцев и бывших сахалинских каторжан. Последним Пахалович приписывал сугубо пагубное влияние на жителей края: воспитание в них пренебрежения к закону и человеческой жизни, склонение к уголовному поведению. Именно этим Пахалович объяснял то, что среди крестьян Уссурийского края распространены алкоголизм, промискуитет, убийство и грабеж возвращающихся с заработков китайцев («охота на белых лебедей»). По мнению жандарма, это антисоциальное поведение закреплялось среди местного населения за счет не только пагубного влияния бывших каторжан, но и из-за отсутствия школ и квалифицированных педагогов. Вообще же стоит заметить, что выход из сложившегося положения Пахалович видел в усилении государственного контроля за образованием, переселенческим вопросом и безопасностью региона, для чего он предложил организовать областное жандармское управление.

Для обоснования необходимости его создания Пахалович описал наиболее сильный, с его точки зрения, источник угрозы в регионе. Таковой, по его мнению, была польская диаспора. Пахалович писал, что в Приморье «проживает много интеллигентных поляков [эти слова подчеркнуты красным карандашом], которые систематически, но с свойственной им осторожностью ведут антиправительственную пропаганду»¹¹. Когда в область прибыли в больших количествах поляки — строители КВЖД, то, по сообщению Пахаловича, представители диаспоры устраивали для них пышные банкеты, на которых произносились антигосударствен-

9 Проект учреждения жандармского надзора в Уссурийском крае и вновь присоединенных китайских землях // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 97. Д. 4455. Ч. 2. Л. 2 об.

10 Там же. Л. 3.

11 Проект учреждения жандармского надзора в Уссурийском крае... Л. 3.

ные тосты, а пришлые и местные поляки обсуждали возможность «дать реванш России за 1863 год», имея в виду подавление последнего польского восстания. Полякам же он приписывал издевательства над русскими рабочими, создание невыносимых для них условий труда, которые иногда даже приводили к гибели людей.

Казалось бы, столь сильный акцент на «польской угрозе» выглядит неестественным применительно к Приморской области. На самом деле в Приамурском генерал-губернаторстве оседали многие поляки, отбывшие свой срок каторжного заключения или ссылки в Сибири; кроме того, этот регион был местом службы многих призывников и офицеров — уроженцев Царства Польского. Наконец, при строительстве КВЖД было занято около 7000 человек, прибывших из Варшавской, Келецкой, Люблинской, Сувальской и иных польских губерний. С 1896 по 1903 г. заместителем председателя правления Общества КВЖД был Станислав Кербедз, строительное управление возглавлял А. И. Югович. На разных участках пути работали инженеры Брониевский, Ваховский, Врублевский, Ковальский и другие¹². С 1897 по 1899 г. польское население Владивостока выросло с 925 до 1300 (с 3,2 % до 3,4 %) ¹³. В этой связи полонофобия Пахаловича выглядит естественной реакцией на прибытие на юг Дальнего Востока большого количества поляков, державшихся заодно.

К другим проблемам Уссурийского края Пахалович отнес плохую организацию административной службы, заявляя, что до изменений судоустройства на территории Приамурского генерал-губернаторства в 1890-х гг., вызванных судебной реформой Александра II в 1890-е гг., уездная и городская полиция погрязла в коррупции, а местные чиновники решали все служебные вопросы неформально: «за винтом или стаканом доброго вина»¹⁴.

Также Пахалович уделил внимание шпионажу. По его мнению, во Владивостоке действовали агенты разведок Германии, Китая, США и Японии, которым удалось получить доступ к секретным документам, включая чертежи крепостных сооружений и сведения о расположении войск. Само состояние войск жандарм оценивал как плохое, указывая на частые суициды среди военнослужащих и пагубное воздействие на них бывших сахалинских

12 Шапошникова Т. В. Польская диаспора Владивостока. Владивосток, 2019. С. 77.

13 Там же. С. 72.

14 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 97. Д. 4455. Ч. 2. Л. 6 об.

каторжан¹⁵. Интересно, что среди возможных угроз безопасности Уссурийского края Пахалович не указал китайских бандитов-хунхузов, совершавших набеги с территории Китая. Вероятно, это связано с тем, что хунхузничество было комплексной проблемой, с которой боролись военные, полицейские власти, казахи, пограничные и добровольные отряды. Внимание Пахаловича было направлено на обоснование создания полноценного жандармского управления, для чего он описывал проблемы, которыми должен был заниматься именно политический надзор: шпионаж, коррупция и политическая неблагонадежность.

Пахалович описал Уссурийский край как еще не до конца освоенный, население которого ведет совершенно нецивилизованный образ жизни, подвержено пагубному влиянию подозрительных инородцев в лице местных поляков и не имеет чувства общерусской идентичности. Такой тревожащий образ не оставил равнодушным руководство Департамента полиции, и С. Э. Зволянский направил доклад ротмистра в штаб Отдельного корпуса жандармов с припиской, что его автор «производит впечатление хорошего знакомства с краем»¹⁶. Но Пахалович прослужил во Владивостоке, где ранее никогда не был, чуть более двух лет. Как он мог хорошо познакомиться с Уссурийским краем при столь малом сроке службы?

Частично ответ на этот вопрос дает сам Пахалович, указавший, что одновременно со службой в ОКЖ исполнял должность судебного следователя в Приморской области до введения в ней всех положений судебной реформы Александра II и что частые разъезды по краю познакомили его с жизнью региона¹⁷. Крайне сомнительно, что должность следователя познакомила его с жизнью Уссурийского края настолько глубоко, насколько ему хотелось бы, — совмещение двух должностей и необходимость в рамках одной из них тратить много времени на поездки по краю должны были сильно тому помешать. Видимо, это осознал и сам Пахалович, который почти на год завысил срок своей службы в регионе, написав, что должность следователя он исполнял «около трех лет»¹⁸.

15 Там же. Л. 3.

16 Там же. Л. 11.

17 Там же. Л. 3 об.

18 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 97. Д. 4455. Ч. 2.

Косвенно указывает на источники знаний Пахаловича следующая фраза в его докладе: «Уссурийский край <...> отличается от прочих стран земного шара тем, что природа, по какому-то капризу сгруппировала здесь всех представителей флоры и фауны крайнего Юга и Севера». В примечании к этому утверждению он перечисляет конкретных представителей флоры и фауны края: «тигр, соболь, пробковое дерево, хвойная растительность»; отмечает, что «когда-то тропический климат края сильно изменился за тысячи лет»¹⁹. Эти слова интересны тем, что смотрятся совершенно не к месту в докладе о создании жандармского управления. Кроме того, более нигде в тексте проекта тему природы и климата края автор не затрагивает. В то же время эти слова текстуально совпадают с фрагментами из произведения одного из выдающихся русских путешественников.

В книге Н. М. Пржевальского «Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869» неоднократно встречается упоминание о сочетаниях северных и южных форм в природе Приморья: «растительный и животный мир Уссурийского края при своем громадном богатстве представляет в высшей степени оригинальную смесь форм, свойственных как далекому северу, так и далекому югу»; «в растительном мире Уссурийского края, равно как и в животном, мы встречаем замечательные богатства, а вместе с тем оригинальную смесь северных и южных форм»; «как-то странно непривычному взору видеть такое смешение форм севера и юга»²⁰. Пржевальский упоминает также об одном явлении, о котором пишет и Пахалович. Перечисляя негативные стороны жизни местного населения, Пахалович рассказывает о «торговле женами и дочерьми» с установлением в некоторых деревнях за это твердых расценок. О том же в конце 1860-х писал и Пржевальский: «здесь везде мужья торгуют своими женами, матери дочерьми и делают это не задумываясь, часто публично»²¹. Говорит ли это о недостоверности сведений Пахаловича? Вряд ли, но может дать лучшее понимание его картины мира.

Пржевальский был самым известным, популярным и читаемым русским исследователем Азии²², поэтому неудивительны

19 Там же. Л. 2–2 об.

20 Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае. С. 16, 19, 27.

21 Там же. С. 30.

22 Схиммельпенник ван дер Ойё Д. Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 59.

отсылки к его творчеству в докладе Пахаловича. Путешественник также был известен как активный империалист и сторонник войны с Китаем, чего не скрывал. И в секретных записках для Главного штаба, и в публичных лекциях он настаивал на военном расширении России за счет Китая, предполагая, что две армии, — основная из Восточной Сибири и вспомогательная из Туркестана, — должны войти на территорию страны²³. Таким же сторонником экспансии был Пахалович, писавший в своей записке, что с годами Владивосток станет базой для походов России в Китай, Корею и Индию с целью их дальнейшего присоединения к России²⁴.

Также на это может указывать и излагаемая Пахаловичем критика политики С. Ю. Витте в регионе. Убеждение Витте заключалось в том, что методы российской экспансии на Дальнем Востоке должны быть экономическими. По его мысли, именно экономика могла связать Китай с Россией, обеспечив Санкт-Петербургу господство над Маньчжурией. Для этого министр финансов планировал использовать сугубо мирные инструменты: строительство железных дорог, увеличение коммерческих связей при помощи активной торговли и развития банковской сферы²⁵. Пахаловичу категорически не нравились инструменты этой политики. Строительство КВЖД он считал бедствием для края: оно, по его мнению, спровоцировало взрывной рост преступности и дало возможность консолидироваться антиправительственно настроенным полякам. Руководство владивостокского отделения Русско-азиатского банка, созданного по инициативе Витте, он обвинял в мошенничестве и махинациях²⁶.

Это не означает, что Пахалович надеялся повлиять на дальневосточную политику России, но показывает его мировоззрение и характер. Перед нами уже немолодой (46 лет на момент написания доклада) жандармский офицер, помещик, пытавшийся приискать денежную должность в столице и оказавшийся на окраине империи, куда он был отправлен служить в железнодорожной жандармерии и во Владивостокском окружном суде (скорее всего) следователем — без какой-либо специальной поли-

23 Там же. С. 51.

24 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 97. Д. 4455. Ч. 2. Л. 2.

25 Схиммельпенник ван дер Ойё Д. Навстречу Восходящему солнцу. С. 121–122.

26 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 97. Д. 4455. Ч. 2. Л. 4.

цейской, следственной и сыскной подготовки. После перевода в Тюмень (которая была меньше Владивостока) он и составил рассматриваемый проект жандармского управления в Уссурийском крае, возможно, надеясь стать его начальником. При этом стоит учитывать, что за время службы во Владивостоке за Пахаловичем скопились существенные долги в несколько тысяч рублей, причиной которых было несоответствие жандармского жалования высоким дальневосточным ценам.

В то же время объяснить поведение Пахаловича лишь корыстными мотивами нельзя. Не получив ответа на свой доклад, он направил в марте 1900 г. еще одну записку, на имя директора Департамента полиции, где писал, что укрепление безопасности Уссурийского края превратит этот регион в надежный тыл для колониальных экспедиций России в Индии, Китае, Корее и Японии. Жандармское управление во Владивостоке с розыскными пунктами в городах Приморской области, Порт-Артуре и Дальнем дало бы имперским и местным властям возможность своевременно узнавать о различных явлениях местной жизни, а Департамент полиции мог бы собирать через него «факты самого разнообразного характера, результаты обработки которых, как сырого материала, могли бы оказать благотворное влияние на развитие этого края не только в политическом, но и в экономическом и административном отношениях»²⁷.

Пахалович пытался совместить в своем проекте создания жандармского управления в Уссурийском крае личные мотивы финансового и карьерного характера с империалистическими представлениями о целях российской политики на Дальнем Востоке. В его проекте превращение края в плацдарм для экспансии на территории в Восточной и Южной Азии прекрасно сочеталось с политическим надзором за ним для того, чтобы местная и имперская администрация имела как можно больше информации о происходящем в нем. Так из-под его пера вышел образ отдаленного, диковатого края, который не вполне еще начал жить по общероссийским правилам и для которого требуется усиление политического надзора. Тем не менее в 1901 г. Департамент полиции завершил переписку по обсуждению проекта И. И. Пахаловича со штабом Отдельного корпуса жандармов сообщением,

27 Записка ротмистра И. И. Пахаловича на имя директора Департамента полиции С. Э. Зволянского // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 97. Д. 4455. Ч. 2. Л. 13–14.

что в Приморской и Амурской областях отмечено крайне малое количество политических преступлений, связанных, в основном, с пьяными оскорблениями правящей династии и военным шпионажем (семь и три дела соответственно), и с ними прекрасно справляются чины местной полиции и военной власти. На этом основании учреждение полноценного жандармского надзора в Уссурийском крае посчитали чрезмерным²⁸.

Система жандармского надзора была сформирована в Приамурском генерал-губернаторстве позже, в качестве реакции на резкий рост внешних и внутренних угроз. По мере развития революционной ситуации в стране офицеры Жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги получили право на ведение дознаний по государственным преступлениям в 1905 г. В 1907-м было создано Владивостокское охранное отделение, в чьи обязанности входил полноценный политический сыск на территории Приморской и Амурской областей.

В 1908 г. новый начальник Жандармского полицейского управления по Уссурийской железной дороге Ростислав Щербаков предложил еще один проект организации жандармского управления в Приамурье. В нем он утверждал, что успешное обеспечение политической безопасности в регионе будет возможно лишь в случае выделения Владивостока в отдельное губернаторство с очень жесткими ограничительными законами для иностранцев и русских подданных, с постоянным военным положением до тех пор, «пока не выяснятся окончательно цели и намерения наших сухопутных и морских пограничных соседей на Дальнем Востоке»²⁹. Аналогичные мысли ранее высказывал в записке на имя управляющего делами Совета министров Н. В. Плеве тобольский губернатор Н. Л. Гондатти. Он считал, что выделение Владивостока в отдельное губернаторство избавит его от наличия нескольких крупных начальников в городе (военный губернатор, командир порта, комендант крепости) и позволит лучше укрепить его оборону на фоне угрозы со стороны Японии³⁰. Характерно, что подобные мысли высказыва-

28 Доклад Департамента полиции по Особому отделу начальнику штаба Отдельного корпуса жандармов от 12 февраля 1901 года // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 2609. Л. 5.

29 Проект учреждения Владивостокского жандармского управления, составленный полковником Р. П. Щербаковым от 22 апреля 1908 г. // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 3041. Л. 21 об. — 22.

30 Записка Н. Л. Гондатти на имя Н. В. Плеве от 23 марта 1908 // РГИА. Ф. 1276.

ли незнакомые друг с другом люди: Н. Л. Гондатти служил на Дальнем Востоке с 1893 по 1902 г. и вернулся в регион в должности приамурского генерал-губернатора в 1911 г., в то время как Р. П. Щербаков был переведен на службу во Владивосток в 1908 г. и убыл из Приморья в 1912-м.

Это стремление представить весь Дальний Восток в качестве территории, которой угрожают враждебные соседи (в первую очередь Япония) и которую необходимо во что бы то ни стало превратить в защищенную крепость, было естественной реакцией на поражение России в войне с Японией. Оно спровоцировало в высших кругах имперской бюрократии дискуссию о смысле владения Дальним Востоком, что привело ее к расколу на две партии, условно названные А. В. Ремнёвым «флотской» и «железнодорожной». Представители первой считали необходимым восстановление вооруженных сил и военно-морского флота в Приамурье до достаточного уровня, чтобы отомстить Японии на поле боя за поражение в предыдущей войне. «Железнодорожники» были убеждены, что в ближайшем будущем война с Японией невозможна, а единственный способ сохранить Дальний Восток за Россией — активная переселенческая колонизация региона и развитие сети железных дорог³¹. Николай II старался придерживаться компромисса между двумя придворными партиями, поэтому наравне со стартовавшими в начале 1910-х расширением и радикальной перестройкой Владивостокской крепости начался процесс активной колонизации Дальнего Востока. Эти изменения отразились и на том, как именно описывался регион в документах местных чиновников.

В донесении начальника Владивостокского охранного отделения ротмистра Константина Адольфовича Нагородского о ходе предвыборной кампании в IV Государственную думу от 24 октября 1912 г. дается иной образ юга Дальнего Востока. Чтобы рассказать, как в Приморской области население относится к выборам в Думу и за кого готово отдать свои голоса, ротмистр Нагородский достаточно подробно описывает социальное положение населения.

Оп. 4. Д. 18. Л. 27.

31 Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск, 2004. С. 441-442.

В первом абзаце он пишет, что между горожанами и сельчанами «наблюдаются еще особые отличия... которые произошли в силу условий исторического склада самой колонизации края». По его мнению, в Приморской области молодые города, возникшие на основе административных центров, жили за счет сельских поселений, изначально создававшихся сугубо для удовлетворения городских нужд. Жандарм считал, что самостоятельное колонизационное значение эти поселения получили только «в самое последнее время»³².

Об областных городах он писал, что они существуют исключительно на средства правительства, промышленность в них находится в слабом, зачаточном состоянии. Роль господствующего класса играют высшие гражданские и военные чиновники, сосредоточенные в органах управления областью. Остальное же городское население состоит в основном из лиц свободных профессий и мелкой буржуазии, чьим основным источником дохода является обслуживание военно-чиновничьей верхушки. Социальные настроения городского населения Нагорский характеризует как «пролетарские, мало устойчивые, поддающиеся агитационному влиянию, таящие в себе явные или дремлющие признаки недовольства своим положением». Такое отношение он объясняет тем, что это население не является для региона коренным и постоянным: это люди, недавно прибывшие в край, не успевшие обустроиться на новом месте и привыкнуть к нему. Так, про мещанство Приморья Нагорский писал: «глубоких местных интересов у него еще нет, его интересы скорее переходного, бивуачного характера, среди него не установилось еще прочных местных традиций, совершенно не выработался еще в массе тип местного горожанина»³³. Этим же он объяснял настроения горожан, подавленных необходимостью привыкать к новому месту жительства, они не ценили то, что есть у них в руках, а фантазировали о прекрасном завтра, были склонны к порывам, объединению в различные общественные организации, но сил развить их во что-то постоянное у них не хватало.

32 Донесение начальника Владивостокского охранного отделения о ходе предвыборной кампании в IV Государственную думу от 24 октября 1912 года // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. Д. 130. Ч. 55. Л. 1.

33 Донесение начальника Владивостокского охранного отделения... Л. 1 об.

Сельское население жандармский ротмистр описывал в тех же красках: бо́льшая часть сельского населения региона — это пришлые люди, недавние колонизаторы, за исключением небольшой группы старожилов. Как и в случае с городским населением, приморское крестьянство, по мнению Нагородского, испытывало на новом месте, как бы мы сейчас сказали, ресентимент — от пережитых трудностей при освоении на новом месте и ностальгии по дому. Этим в целом объяснялось недовольство сельчан и их оппозиционные настроения. При этом ротмистр отмечал, что сельское население, несмотря на всю свою потаенную протестность, не приняло никакого участия в событиях Первой русской революции — в отличие от горожан. Нагородский объяснял это смесью индивидуализма и консерватизма в характере местных крестьян³⁴. Как и городским жителям, крестьянам Приморья, по его мнению, была свойственна некоторая «оторванность» от места жительства, отсутствие чувства новой родины. Жандарм считал, что эта проблема будет преодолена ходом времени и крестьянство «прочно свяжется с областью лишь во втором своем поколении»³⁵.

Итог своему описанию Приморья ротмистр Нагородский подвел следующими словами: «города Области во всех тенденциях прогрессивны, сельское же население, хотя и предрасположено к недовольствам настоящим, но все-таки оно гораздо консервативно»³⁶. В представленном описании Приморская область — регион, который недавно подвергся массовой колонизации и еще не успел ее освоить. К основным проблемам местного населения начальник владивостокской охраны отнес его неустроенность на новом месте, недовольство, вызванное сложностями обоснования. В этом же он видел источник социального недовольства. При этом Нагородский был убежден, что со временем, по мере того как родится первое поколение людей, для которых Приморье будет малой родиной, бо́льшая часть негативных чувств исчезнет. В этом отношении представленное им описание более оптимистично по сравнению с представлениями Пахаловича, так как предполагает выход из сложившейся негативной ситуации в виде естественного развития событий, и бо-

34 Там же. Л. 2.

35 Там же. Л. 2 об.

36 Там же. Л. 3.

лее сдержанно, так как концентрируется сугубо на внутренних проблемах жителей региона, а не на каких-то глобальных политических раздражителях внутреннего и внешнего характера.

Говоря о мировоззрении и источниках сведений Нагородского, стоит отметить, что пост начальника Владивостокского охранного отделения он занял в 29 лет, и для него назначение на Дальний Восток было одним из этапов стремительно развивающейся карьеры. Ветеран Русско-японской войны, награжденный за храбрость тремя боевыми орденами, он перешел на службу в Отдельный корпус жандармов в марте 1907 г. Подготовительные курсы при штабе ОКЖ он окончил одним из лучших в потоке, с итоговым баллом в 11,5 из 12 возможных, седьмым в общем списке. Примечательно, что вместе с ним учились некоторые его будущие сослуживцы по Дальнему Востоку: офицер Владивостокского охранного отделения в 1909–1911 гг. Лука Сурков, чиновник для поручений Владивостокского охранного отделения в 1911–1913 гг. Иван Макри и начальник Хабаровского розыскного пункта в 1911–1915 гг. Сергей Ивановский³⁷.

При поступлении на курсы при штабе ОКЖ соискатель должен был написать сочинение на заданную тему. Тема Нагородского была сформулирована так: «Цель учреждения полиции и значение ее для государства и общества». В своем эссе в качестве первичной цели полиции он выделил наблюдение «за нормальным законным течением внутренней жизни государства», а значение ее видел в том, что «через полицию представители власти в государстве могут знать настроение не только целого общества, но и каждого его члена»³⁸. Этими фразами молодой офицер показывал себя сторонником рационально организованного и всеобъемлющего политического контроля, главной целью которого была не борьба с преступностью (о ней в эссе он не упоминал) и не ее предотвращение (это было для него второстепенным), а знание об общественных настроениях.

Начальником владивостокской охранки Нагородский стал осенью 1911 г., имея за плечами богатый опыт службы. В 1908-м он служил в Жандармском полицейском управлении Варшавской

37 Приказ по штабу Отдельного корпуса жандармов № 4 от 12 февраля 1908 года // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 12304. Л. 37–38.

38 Вступительное сочинение поручика 114-го пехотного Новоторжского полка Нагородского // Там же. Л. 22.

железной дороги, в 1909–1911 гг. отвечал за охрану имения П. А. Столыпина в литовском Колноберже, в 1910 г. проходил годичную службу при Киевском охранном отделении для изучения сыска³⁹. В сентябре 1911 г. он был назначен начальником Владивостокского охранного отделения и на новом месте немедленно приступил к обновлению агентуры охранки, созданию новой системы учета агентурных и розыскных сведений, что в ходе ревизии в августе 1912 г. было оценено высоким образом со стороны начальника Восточно-Сибирского районного охранного отделения (внедренные им принципы администрирования и ведения делопроизводства были в итоге переняты вышестоящим Иркутским районным охранным отделением)⁴⁰. Иными словами, Нагордский превратил Владивостокское охранное отделение в полноценный орган политического сыска, организованный по всем предписанным правилам.

Помимо особенностей мировоззрения Нагордского, напрямую повлиявших на рационализацию им политического надзора, стоит выделить его источники информации. Текстуальный анализ его донесения о ходе предвыборной кампании в IV Думу показывает, что в нем есть абсолютное заимствование из донесения Анатолия Кайгородцева (он же Андрей Сикорский, агент отделения «Ольнем»): «средний обыватель смотрит на выборы, как на ненужную комедию, отвлекающую его от дела и понуждения прогрессивной прессы, обращающейся к обывателю с настойчивым напоминанием о его “гражданских обязанностях” остаются втуне. Кроме того, обыватель не видит вокруг себе людей, достойных быть избранными в Государственную Думу, он изверился во всех и в самом себе»⁴¹. Это заимствование демонстрирует доверие информатору до такой степени, что Нагордский опирается на его донесения при составлении собственного доклада. Другой агент, «Федотов», также сообщал о политическом равнодушии приморских избирателей накануне выборов

39 Сведения по розыскным учреждениям Империи от 20 февраля 1911 года // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 15291. Л. 296.

40 Из объяснительной записки по вопросу незаконных действий ротмистра Нагордского во главе Владивостокского охранного отделения // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 2951. Л. 16.

41 Дневник агентурных донесений Владивостокского охранного отделения по партии социалистов-революционеров за май 1912 года // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 5. Ч. 64 л. Б. Л. 37.

в Госдуму — и это также было почти дословно отображено Нагордским в его донесении. Учитывая то, что некоторые агенты отделения были заведены Нагордским и другими офицерами охраны именно для наблюдения за общественными настроениями, можно выделить донесения информаторов в качестве одного из источников формирования образа региона в докладах жандармских офицеров.

Вместе с тем вряд ли донесения агентов, перед которыми стояла задача поставлять конкретные сведения по конкретному поводу, могли познакомить Нагордского с общим социально-экономическим положением региона, в котором он служил. Стоит учитывать, что к моменту составления своего донесения Нагордский прослужил во Владивостоке буквально чуть больше года (с 11 октября 1911 г.) и не мог обладать какими-то обширными сведениями о регионе, полученными из личного опыта. К тому же, как показывают материалы жандармских ревизий деятельности владивостокской охраны, в реальности ее агентура вела постоянный надзор лишь во Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Хабаровске и по линии Уссурийской железной дороги. Какие же еще источники сведений могли быть в распоряжении жандарма?

В декабре 1911 г. Нагордский оформил годовую подписку на сборники приказов, приказаний, объявлений по Владивостокской крепости, на журнал «Вестник полиции» и газеты «Дальний Восток», «Океанский вестник», «Далекая окраина», «Приамурский край», «Текущий день»⁴². Это были на тот момент все издававшиеся во Владивостоке средства массовой информации, и, по всей видимости, Нагордский именно из них черпал сведения о происшествиях и текущей жизни в крае. Изучение местной прессы носило для Владивостокского охранного отделения характер одного из методов работы, о чем говорит хотя бы то, что подписка на все вышеуказанные газеты была продлена в декабре 1912-го⁴³.

После Русско-японской войны пресса играла большую роль в формировании мнений о Дальнем Востоке не только у населе-

42 Расходная книга Владивостокского охранного отделения за декабрь 1911 // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 31. Д. 16. Ч. 8. Л. 507.

43 Расходная книга Владивостокского охранного отделения за декабрь 1912 // Там же. Л. 508.

ния страны, но и у высшего руководства. 21 января 1908 г. Николай II приказал создать особое совещание по делам Восточной Сибири и Дальнего Востока. Это решение император принял после знакомства с подготовленной П. А. Столыпиным подборкой материалов русской прессы о положении на Дальнем Востоке⁴⁴.

Общие настроения русской прессы о состоянии дел в этом регионе в специальном правительственном отчете характеризовались следующим образом: «Туманы и тучи ползут на востоке... вот основной припев всей, как столичной, так и провинциальной печати. Опасность, близкая к неминуемой, грозит нашей далекой окраине, на завоевание которой готовы броситься и Япония и Китай»⁴⁵. Данной точки зрения придерживались газеты всех направлений — правые, левые, умеренные. Все они считали, что правительство предпринимает недостаточно усилий к защите края, а основным инструментом упрочения ими виделась активная переселенческая политика: создание новых населенных пунктов, миграция крестьян из западных областей России.

Той же точки зрения придерживались чиновники, составлявшие проекты развития региона. Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер считал, что главнейшим направлением правительственной политики на Дальнем Востоке должно быть заселение региона русскими переселенцами с одновременным развитием сети железных дорог, призванных связать тихоокеанское побережье с центром России. По его мысли, региону предстояло принять на себя «излишки» населения России, которое должно было достигнуть к середине XX в. численности в 300 млн человек⁴⁶. Его преемник Н. Л. Гондатти, будучи еще тобольским губернатором, в 1908 г. настаивал на том, что «раз на Дальнем Востоке будет многочисленное русское население, тогда нечего будет опасаться влияния на него наших соседей... будет русское население, будут и свои произведения и продукты, начиная с хлеба и мяса, и наши войска, действующ-

44 Распоряжение Председателя Совета министров об организации Особого совещания по делам Восточной Сибири и Дальнего Востока // РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 18. Л. 2.

45 Обзор русской прессы о положении дел в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке // Там же. Л. 424.

46 Записка генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера по приамурским делам // Там же. Л. 22.

щие там, будут всегда обеспечены»⁴⁷. Того же мнения были начальники Генерального штаба и Главного управления землеустройства и земледелия.

Безусловно, эта точка зрения, ставшая общей и для чиновничества, и для прессы, так или иначе влияла на настроения самого Нагородского, который ежедневно читал получаемые газеты, отвечал на телеграммы и запросы руководства Приморской области и Приамурского генерал-губернаторства. Местное начальство считало его опытным жандармом, о чем говорит тот факт, что, узнав о переводе Нагородского в Таврическую губернию осенью 1912 г., военный губернатор Приморской области попросил Департамент полиции повременить с его переводом до марта 1913-го, чтобы тот мог обеспечить безопасность празднования 300-летия дома Романовых⁴⁸.

Сравнивая источники, из которых И. И. Пахалович и К. А. Нагородский черпали сведения о регионе, нужно отметить большой профессионализм последнего. Описывая регион, он опирался не столько на личный фрагментарный опыт поездок по области и беседы с различными людьми, сколько на агентурные донесения и материалы прессы, которые проходили определенную верификацию сотрудниками охранного отделения, изучавшими их на предмет правдоподобности. Этим можно объяснить и ту разницу образов Приморской области, которая содержится в докладах обоих жандармов.

Для Пахаловича Уссурийский край — это неизученный и дикий еще регион, который требует установления постоянного политического надзора. При этом конечная цель освоения Приморья, по его мнению, заключается в превращении его в базу дальнейшей экспансии России (Индия, Тихий океан). Для Нагородского же Приморская область является уже достаточно освоенным регионом, в своих описаниях Приморья он не использует каких-либо приемов экзотизации в виде сравнения с Америкой или указаний на климатические особенности, что свойственно докладу Пахаловича. Проблемы региона Нагородский видит в чувстве неустрашенности и недовольства жизнью, что испытывает основная масса населения, состоящая из недавних переселенцев.

47 Записка тобольского губернатора Н. Л. Гондатти на имя управляющего делами Совета Министров К. В. Плеве // Там же. Л. 13.

48 ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 2951. Л. 13.

ленцев. Решению проблем, на его взгляд, поможет естественный ход событий, а именно появление у колонистов детей, для которых Приморская область станет родиной. Так что основной целью государственной политики на Дальнем Востоке он видит (вполне в духе времени) колонизацию ради колонизации, дальнейшего заселения региона, а не колониалистские проекты, как у Пахаловича.

В 1899 г. ротмистр Пахалович смело предлагал высокому начальству проекты глобального политического характера, считая, что его мнение о дальневосточной политике имеет право быть услышанным. Поэтому он не стеснялся рисовать подробные картины местного быта и оценивать правительственные усилия в регионе. В 1912 г. ротмистр Нагородский не высказывал претензий влиять на дальневосточную политику. Он стремился лишь показать социальный контекст, что помогало ему ответить на сформулированный Санкт-Петербургом вопрос.

В конце XIX в. Дальний Восток стал объектом повышенного интереса для имперских властей: в 1891 г. Приамурское генерал-губернаторство посетил наследник престола Николай Александрович, в 1895–1899 гг. здесь неоднократно бывали министры путей сообщения М. И. Хилков и юстиции Н. В. Муравьев. Одновременно с этим дальневосточные чиновники развили активную деятельность, направленную на привлечение внимания общества и власти к региону. Инструментами, способствующими его развитию и закреплению за Россией, и дальневосточные чиновники, и министры видели крестьянскую и казачью колонизацию, развитие военно-морского флота, строительство новых железных дорог⁴⁹. В заселении и развитии региона виделся выход из будущего демографического кризиса (А. Н. Куропаткин считал, что к 2000 г. население России составит 400 млн человек, и Сибирь должна принять четверть их). В Дальнем Востоке видели «окно в Азию», способное привести Россию к процветанию за счет международной торговли⁵⁰. Представления Пахаловича, считавшего, что Уссурийский край необходимо развить и укрепить для дальнейшей экспансии на восток, скорее, соответствовали общему направлению дискуссий о предназначении Дальнего Востока.

49 Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. С. 317–318.

50 Там же. С. 320.

После Русско-японской войны изменилось и отношение к региону. Высшая и местная администрации перестали видеть в нем плацдарм для колониальной экспансии, отдав предпочтительнее колонизации и развитию региона⁵¹. Такой подход сказался в первую очередь на переселенческой политике: население Приморской области с 1906-го по 1914 г. выросло примерно в 8 раз: с 85 338 до 635 458 человек, из них городское — с 93 968 до 243 083⁵². Эти перемены отразились в докладе ротмистра Нагродского, который не строил глобальных проектов реформирования региона, а лишь фиксировал ту реальность, в которой находился. Кроме документов, разницу мнений об управлении регионом можно увидеть и сравнивая жизнеописания их авторов.

Иван Пахалович оказался во Владивостоке, можно сказать, случайно, имея за плечами вместо соответствующего образования и подготовки лишь службу в Санкт-Петербургском жандармском дивизионе. Константин Нагродский успел познакомиться с регионом во время участия в Русско-японской войне, прошел специальную жандармскую подготовку, на которую наложились практическая служба в политическом сыске сразу в трех регионах: русской Польше, Литве и Киевской губернии. Разница между авторами видна даже в возрасте. При назначении во Владивосток Пахалович был взрослым и состоявшимся 43-летним мужчиной, в то время как Нагродский приехал на Дальний Восток амбициозным 29-летним молодым человеком.

Проект учреждения жандармского надзора в Уссурийском крае ротмистра Пахаловича можно назвать частным мнением отдельного человека, пусть и в жандармском мундире. Написан он был не в рамках выполнения служебных обязанностей и, видимо, был создан в каких-то личных интересах автора. В свою очередь, доклад ротмистра Нагродского о ходе предвыборной кампании в IV Государственную думу в Приморской области представляет собой нечто противоположное. Это делопроизводственный документ сотрудника органа политического сыска, подготовленный на основе донесений его агентов в рамках выполнения им непосредственных служебных обязанностей.

51 Там же. С. 441.

52 Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII — начале XX вв. (1640–1917): историко-демографический очерк. М., 1985. С. 153.

Кроме того, разница между описаниями двух жандармов «своего» региона объяснима изменением отношения имперского центра к Дальнему Востоку.

Если в конце XIX в. в Приамурском генерал-губернаторстве видели в первую очередь плацдарм для дальнейшей российской экспансии в Китай, то поражение в Русско-японской войне заставило по-новому взглянуть на дальневосточную окраину. В первые послевоенные годы она воспринималась как окруженная потенциальным неприятелем крепость. Этот образ нашел отражение в проекте жандармского полковника Ростислава Щербакова, мечтавшего в 1908 г. превратить Владивосток в закрытый город. Спустя 4 года ротмистр жандармерии Константин Нагородский предоставил описание Приморской области, свободное от тех алармизма и экзотизации, которые в 1899–1900 гг. в изобилии использовал в своем докладе ротмистр Иван Пахалович. В рапорте Нагородского Приморская область предстает регионом, освоение которого активно идет путем колонизации. При этом сам автор испытывает сдержанный оптимизм, указывая на то, что только уже дети этих колонистов станут оседлым населением области и будут считать ее своей родиной. В этом описании обнаруживаются четкие следы государственной политики России 1910-х гг., направленной на превращение Дальнего Востока в резервуар для «лишних» людей из европейской части России, которым не хватало земли.

Излагаемые в рассмотренных жандармских документах образы региона соответствуют актуальным целям и задачам имперской политики по отношению к Дальнему Востоку в каждый соответствующий период, как будто подтверждая их. Пахалович в 1900 г. писал о возможности превратить Уссурийский край в плацдарм для колониальной экспансии, а в 1912 г. Нагородский указывал на необходимость дать жителям области возможность закрепиться на ее территории, чтобы сформировать постоянное население.

Жандармских офицеров нельзя назвать авторами определенных дискурсов описания региона, но они определенно участвовали в этом процессе, мысля внутри общеимперских концептуальных рамок, наполняя их своим содержанием. Приводимые ими факты и размышления должны были указать на возможные угрозы имперской политике, а также на препятствия и успехи в ее реализации. Создаваемые офицерами ОКЖ на Дальнем Востоке описания Уссурийского края и Приморской области не

были принципиально отличными от тех, что уже существовали, не вносили фундаментального вклада в сложившиеся дискурсы восприятия территории. Вместе с тем они уточняли, как именно выглядели и проходили на местах те или иные процессы имперской политики, показывали их слабые и сильные стороны, отмечали конкретные проблемы осуществления планов и тем самым своим авторским видением вносили вклад в дальнейшее освоение региона.

Литература

- Алябьев Н. Далекая Россия. Уссурийский край. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1872. 115 с.
- Бикташева А. Н. Жандармы и модернизация местного управления в России (опыт и перспективы изучения) // *Quaestio Rossica*. 2015. № 2. С. 132–143.
- Гренди Э. Еще раз о микроистории // *Казус: индивидуальное и уникальное в истории*. 1997. Вып. 1. С. 291–303.
- Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII — начале XX вв. (1640–1917): историко-демографический очерк. М.: Наука, 1985. 260 с.
- Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск: Издательство ОмГУ, 2004. 552 с.
- Ремнев А. В., Суворова А. Н. «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные культуртрегеры» // *Изобретение империи: языки и практики*. М.: Новое издательство, 2011. С. 152–222.
- Схиммельпенник ван дер Ойё Д. Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.
- Шапошникова Т. В. Польская диаспора Владивостока. Владивосток: Апельсин, 2019. 211 с.

References

- Aliab'ev N. Dalekaia Rossiia. Ussurijskij kraj. SPb.: Tipografiia tovarishchestva "Obshchestvennaia pol'za", 1872. 115 s. In Russian.
- Biktasheva A. N. Zhandarmy i modernizatsiia mestnogo upravleniia v Rossii (opyt i perspektivy izucheniia) // *Quaestio Rossica*. 2015. № 2. S. 132–143. In Russian.
- Grendi Eh. Eshche raz o mikroistorii // *Kazus: individual'noe i unikal'noe v istorii*. 1997. Vyp. 1. S. 291–303. In Russian.
- Kabuzan V. M. Dal'nevostochnyj kraj v XVII — nachale XX vv. (1640–1917): istoriko-demograficheskij ocherk. M.: Nauka, 1985. 260 s. In Russian.
- Remnev A. V. Rossiia Dal'nego Vostoka. Imperskaia geografiia vlasti XIX — nachala XX vekov. Omsk: Izdatel'stvo OmGU, 2004. 552 s. In Russian.
- Remnev A. V., Suvorova A. N. "Russkoe delo" na aziatskikh okrainakh: "russkost'" pod ugrozoi ili "sommitel'nye kul'turtregery" // *Izobretienie imperii: iazyki i praktiki*. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011. S. 152–222. In Russian.

Skhimmel'pennink van der Oje D. Navstrechu Voskhodiashchemu solntsu: kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiiu k vojne s Iaponiej. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 421 s. In Russian.

Shaposhnikova T. V. Pol'skaia diaspora Vladivostoka. Vladivostok: Apel'sin, 2019. 211 s. In Russian.

Статья поступила в редакцию: 13 июня 2025 г.

Рекомендована к печати: 3 сентября 2025 г.

Received: June 13, 2025

Accepted: September 3, 2025